

УДК 340(091)(470)

**ВЛИЯНИЕ ЛИБЕРАЛЬНОЙ ПРАВОВОЙ МЫСЛИ
НА РАЗВИТИЕ ПОЛИЦЕЙСКОГО ОСВЕДОМИТЕЛЬСТВА
В РОССИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX — НАЧАЛЕ XX ВЕКА**

Виктор Федорович Луговик*, Татьяна Евгеньевна Грязнова**

Омская академия МВД России, Омск, Россия

* vlug@yandex.ru

** griaznova-te@ yandex.ru

Аннотация. В статье анализируется взаимосвязь развития российской либеральной правовой мысли второй половины XIX — начала XX в. и эволюции института полицейского осведомительства (доносительства) сначала в Российской империи, а затем в раннем Советском государстве. Показано, что либеральная доктрина правового государства, сформированная в трудах Б. Н. Чичерина, П. И. Новгородцева, Б. А. Кистяковского и др., вступала в прямое противоречие с расширением полномочий полиции и политического сыска, опиравшихся на негласную агентуру и донос. Рассматривается правовая база осведомительства: от императорских указов XVIII в. и деятельности III Отделения до Положения «О мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия» 1881 г., Положений об охранных отделениях 1906—1907 гг. и ст. 58—12 Уголовного кодекса РСФСР. Делается вывод о двойственном влиянии либеральной мысли: с одной стороны, ее идеи способствовали частичной «юридизации» тайного сыска, с другой — не смогли предотвратить превращение доносительства в системный инструмент подавления либеральных и иных оппозиционных идей.

Ключевые слова: либеральная правовая мысль, правовое государство, полиция, охранные отделения, осведомители, доносительство

Для цитирования: Луговик В. Ф., Грязнова Т. Е. Влияние либеральной правовой мысли на развитие полицейского осведомительства в России во второй половине XIX — начале XX века // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2026. № 1 (76). С. 9—15.

**INFLUENCE OF LIBERAL LEGAL THOUGHT
ON THE DEVELOPMENT OF POLICE INFORMING IN RUSSIA
IN THE SECOND HALF OF THE 19TH
UP TO THE EARLY 20TH CENTURY PERIOD**

Victor Fyedorovich Lugovik*, Tatiyana Yevgeniyevna Gryaznova**

Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Omsk, Russia

* vlug@yandex.ru

** griaznova-te@ yandex.ru

Abstract. The given article deals with the interrelation between the development of the Russian liberal legal thought in the second half of the 19th up to the early 20th century as well as the evolution of the institution of police informing (denunciation) in the Russian Empire first and then in the early Soviet state. The authors note that the liberal doctrine of the law-governed state formulated in the research works by B. N. Chicherin, P. I. Novgorodtsev, B. A. Kistyakovsky and others contradicted directly the expansion of the powers of the police and political detection that are based on undercover agents and denunciations. The authors examine the legal basis for informing from the imperial decrees of the 18th century and the activities of the third section to the Regulation "On measures to secure state order and public peace" of 1881, the Regulations on the security police departments of 1906—1907 and Articles 58—12 of the Criminal Code of the Russian Soviet Federative Socialist Republic.

The authors of the article conclude that liberal thought exerted a dual influence: on the one hand, its ideas contributed to the partial "juridification" of secret detection. On the other hand, these ideas failed to prevent denunciation to be a systemic tool for suppressing liberal and other oppositional ideas.

Keywords: liberal legal thought, law-governed state, police, secure police departments, informants, denunciation

For citation: Lugovik V. F., Gryaznova T. Ye. Influence of liberal legal thought on the development of police informing in Russia in the second half of the 19th up to the early 20th century period. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 9—15, 2026. (In Russ.).

Проблема соотношения либеральной правовой доктрины и практики полицейского сыска в России рубежа XIX—XX вв. имеет не только историко-правовое, но и очевидное современное значение. Вопрос о том, возможно ли построение правового государства в условиях широко применяемого негласного контроля и доноительства, в российской истории получил особенно острое звучание. В историографии институт политической полиции и осведомительства в имперский период детально исследован О. Ю. Абакумовым, реконструирующим генезис III Отделения и жандармского корпуса как централизованной системы надзора и агентурной работы [1, с. 12—14]. Чрезвычайное законодательство 1880—1900-х гг. анализируется Н. И. Биюшкиной на примере Положения 14 августа 1881 г. [2, с. 292]¹. Эволюция органов политического сыска (в том числе охранных отделений) рассматривается в работах Н. Л. Федневой, А. П. Яцковой [3, с. 105—107] и других авторов.

Развитие же собственно либеральной правовой мысли (концепции Б. Н. Чичерина, П. И. Новгородцева, Б. А. Кистяковского и др.) реконструируется в ряде современных исследований, где выделяются тенденции формирования российской модели правового государства [4—6].

Цель настоящей статьи — показать, каким образом либеральная правовая мысль второй половины XIX — первой половины XX в. соотносилась с практикой осведомительства в России, влияла ли она на правовое регулирование работы полиции и можно ли говорить о целенаправленном использовании доноительства для подавления либеральных идей; охарактеризовать основные постулаты российского либерализма указанного периода; проследить эволюцию правовой базы осведомительства в имперский и ранний советский периоды; выявить роль либеральной доктрины в юридическом оформлении сыска; оценить

роль доноительства в борьбе государства с криминальными проявлениями.

1. Либеральная правовая мысль второй половины XIX — начала XX в.

1.1. Либеральная идея правового государства. К концу XIX — началу XX в. в русской юридической мысли формируется целостная либеральная концепция правового государства, ядром которой являются:

— верховенство закона над административным усмотрением;

— ограниченная монархия и разделение властей;

— гарантии личной свободы, неприкосновенности личности и жилища;

— независимый суд, гласное и состязательное судопроизводство.

Классической фигурой в этом отношении становится Б. Н. Чичерин, подчеркивавший необходимость подчинения полиции закону и недопустимость произвольного вмешательства администрации в сферу субъективных прав. Он замечал, что «человека нельзя наказывать за известный образ мыслей или за частные разговоры, если они не заключают в себе побуждения к преступному действию» [7, с. 114]. Идеи правового государства в рассматриваемый период развивают, как известно, сторонники социологического, нормативного, психологического и интегративного типов правового понимания, однако наибольший интерес в рамках избранной проблематики представляют взгляды апологетов школы «возрожденного естественного права» — П. И. Новгородцева, Б. А. Кистяковского и др., для которых характерно стремление соединить либеральный правовой идеал с этикой личной ответственности и моральным измерением права [8; 9].

Как отмечает Е. Г. Багоян, обобщая труды Б. Н. Чичерина, П. И. Новгородцева и Б. А. Кистяковского, в либеральной доктрине рубежа XIX—XX вв. право понимается как инструмент защиты личности от произвола власти, а правовое государство — как форма, в которой власть связана законом и несет ответственность перед гражданином

¹ Положение о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3. Т. 1, № 350. С. 261—266.

[4, с. 18—23]. В такой модели полицейский сыск и осведомительство допускаются лишь в строгих правовых рамках и при надлежащем судебном контроле, исключающих закрытость от общества.

1.2. Либералы и проблема политической полиции. Либеральные юристы конца XIX — начала XX в. (в том числе партийные фракции Государственной думы) последовательно критиковали практику полицейского сыска — как в форме непосредственных полицейских злоупотреблений, так и в виде правового закрепления чрезвычайных полномочий администрации. Особое возмущение вызывали секретность ведомственных инструкций, практика провокации (подстрекательства к преступлению со стороны агентов), отсутствие судебного контроля над негласными методами (агентура, наблюдение, перлюстрация переписки). Тем не менее эта критика повлияла лишь на «оболочку» правового регулирования политического сыска, но не на его сущностную зависимость от доносительства.

2. Генезис осведомительства и политической полиции в России

2.1. Ранние правовые основания доносительства. Правовая обязанность доноса о государственных преступлениях была закреплена в российском праве задолго до появления либеральной доктрины. Здесь можно назвать именной указ Петра I от 25 сентября 1702 г. «Об отсылке в Преображенский приказ всяких людей, сказывающих слово и дело государево»¹, устанавливавший обязанность доносить о «государевых делах» и суровое наказание за недонесение. В XVIII в. подобные акты неоднократно воспроизводились и уточнялись, формируя устойчивый стереотип: донос о государственных преступлениях — не только дозволенное, но и требуемое законом поведение подданного.

2.2. III Отделение и становление централизованного политического сыска. Создание III Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии (1826 г.) и корпуса жандармов означает институционализацию политического сыска. О. Ю. Абакумов, анализируя проект А. Х. Бенкендорфа 1826 г., показывает, что среди ключевых средств новой «высшей полиции» он прямо указывал перлюстрацию корреспонденции и агентуру, «склонную к наживе», а также добровольных

доносчиков — «злодеев, интриганов и людей недалеких», которые, раскаявшись, будут знать, «куда обратиться» [1, с. 13]. Таким образом, еще до формирования либеральной правовой доктрины в России складывается централизованный аппарат политического надзора, опирающийся на жандармские структуры, сеть негласных осведомителей, использование доноса как регулярного канала информации о «состоянии умов» и политической лояльности. Важной чертой этого периода является секретный характер правового регулирования: «Положение о корпусе жандармов» 1827 г. и последующие акты лишь частично раскрывали реальный объем полномочий политической полиции, тогда как ключевые инструкции оставались секретными и не имели статуса публичного нормативного правового акта [1, с. 15—18].

3. Либеральные реформы и правовая база осведомительства

3.1. Судебная реформа 1864 г.: ограничение роли тайного доноса. Судебная реформа Александра II (Уставы 20 ноября 1864 г.) вводила гласность, устность и состязательность уголовного процесса, суд присяжных, независимость судей. Это объективно уменьшало значение тайного доноса как «закрытого» доказательства: показания должны были исследоваться в открытом судебном заседании; предпочтение отдавалось свидетельским показаниям и вещественным доказательствам, а не анонимным сообщениям полиции. С точки зрения либеральной доктрины это был важнейший шаг в сторону правового государства, позволяющий ограничить произвольное использование доносительства в судебной сфере.

3.2. Положение 1881 г. и «второй контур» чрезвычайного законодательства. Однако параллельно с либеральной судебной реформой развивается иной, чрезвычайный контур правового регулирования — Положение «О мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия» от 14 августа 1881 г., высочайше утвержденное Александром III. Положение предусматривало введение в отдельных местностях режима «усиленной» и «чрезвычайной» охраны и предоставляло генерал-губернаторам, губернаторам и градоначальникам широкие административные полномочия: арест, административную высылку, закрытие изданий, передачу дел военным судам. Особенно важно, что Положение допускало арест «лиц, подозреваемых в государственных преступлениях» на срок до семи суток без предъявления обвинения, на основании информации, поступающей по административной линии.

¹ Именной указ Петра I от 25 сентября 1702 г. «Об отсылке в Преображенский приказ всяких людей, сказывающих слово и дело государево» // Информ.-правовой портал «Гарант». URL: <https://www.garant.ru/> (дата обращения: 14.12.2025).

Фактически это означало институциональное признание негласной агентуры как источников и основания для репрессивных мер, пусть и в рамках «временного» чрезвычайного режима, продлевавшегося до 1917 г. Н. И. Биюшкина справедливо характеризует данное Положение как акт, открывший эпоху контрреформ и восстановивший элементы полицейского государства при формально либеральном суде [2, с. 292—293].

4. Охранные отделения и попытки правового контроля осведомительства

4.1. Создание сети охранных отделений. К началу XX в. центральным звеном политического сыска становятся охранные отделения при Департаменте полиции МВД. Они осуществляли наружное наблюдение (филеры); ведение секретной агентуры (осведомители); внедрение в партии, профессиональные и общественные организации. Сама технология работы опиралась на массовое осведомительство различного статуса — от оплачиваемых агентов до «добровольных помощников» и разовых доносчиков.

4.2. Положение о районных охранных отделениях 1906 г. и Положение об охранных отделениях 1907 г. Высочайше утвержденное Положение о районных охранных отделениях (14 декабря 1906 г.) создавало систему центральных разыскных учреждений по крупным районам империи, координировавших агентурную и филерскую работу на местах. Секретное Положение об охранных отделениях от 9 февраля 1907 г. еще более четко оформляло «правовую оболочку» негласного сыска. В нем прямо говорилось о «законном негласном расследовании» по делам о государственных преступлениях, поручаемом специально назначаемым чиновникам, и указывалось, что результаты такого расследования могут служить основанием для ареста. Особый интерес представляет положение о том, что в донесениях начальников охранных отделений должны излагаться все агентурные сведения, «кроме могущих повредить агентуре», однако сами эти сведения не подменяют собою судебных доказательств — обысков, выемок, показаний свидетелей и т. п. [3, с. 105—107] Так, впервые на уровне нормативного акта имперского периода прямо фиксируется существование агентурных источников; предпринимается попытка «процессуально» ограничить использование доносов как единственного основания репрессий.

Н. Л. Феднева и А. П. Яцкова, приводя текст Положения 1907 г. в хрестоматии по истории органов внутренних дел, справедливо отмечают его двойственный характер: с одной стороны, это шаг

к юридизации политического сыска, с другой — закрепление широких дискреционных полномочий полиции под прикрытием ссылок на судебные уставы [3, с. 107].

5. Раннесоветский этап: от краткого триумфа либерализма к криминализации «недонесения»

5.1. Ликвидация охраны и краткий «либеральный момент» 1917 г. Февральская революция 1917 г. приводит к ликвидации Департамента полиции и охранных отделений решением Временного правительства. Провозглашаются свобода слова, собраний, союзов; политический сыск официально считается несовместимым с новым «демократическим правопорядком». Этот краткий период можно рассматривать как попытку практического воплощения либеральной идеи правового государства: тайный сыск и доносительство как системный механизм объявляются вне закона, а деятельность полиции должна строиться на общих нормах уголовного и процессуального права.

5.2. Восстановление и радикализация осведомительской системы. Уже Декрет СНК от 7 (20) декабря 1917 г. «О создании Всероссийской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией и саботажем» возвращает на сцену орган, принципиально отличающийся от либеральной модели правового государства. Особенности новой системы: ВЧК действует вне рамок обычной судебной системы, руководствуясь принципом «революционной целесообразности»; с первых лет формируется широкая сеть осведомителей в учреждениях, армии, на предприятиях; информация используется не только против вооруженной контрреволюции, но и для подавления плюрализма, в том числе либерального. Преобразования ВЧК в ГПУ (1922 г.), затем ОГПУ и включение органов госбезопасности в НКВД (1934 г.) сопровождались изданием многочисленных ведомственных инструкций по агентурно-оперативной работе, остававшихся секретными и не подлежавших публичному обсуждению.

5.3. Статья 58—12 Уголовного кодекса РСФСР: недонесение как преступление. Ключевой нормативной вехой в юридическом оформлении доносительства становится уголовное право. В Уголовном кодексе РСФСР (редакция 1926 г. с изменениями 1927 г.) (далее — УК РСФСР) в рамках ст. 58 («контрреволюционные преступления») вводится ст. 58—12. Согласно ее тексту, «недонесение о достоверно известном, готовящемся или совершенном контрреволюционном преступлении» влечет лишение свободы на срок не ниже шести месяцев. Эта норма означает принципиально

новый шаг: донос о политическом преступлении превращается из поощряемого поведения в юридическую обязанность гражданина; отказ доносить прямо криминализуется, особенно в сочетании с расширительным толкованием самого понятия «контрреволюционного» преступления. С либеральной точки зрения это максимально далекая от правового государства конструкция: гражданин обязан сотрудничать с органами безопасности под угрозой наказания, тогда как правила работы осведомительной сети и круг ее полномочий остаются секретными.

6. Либеральная правовая мысль и осведомительство: влияние и противостояние

6.1. Элементы правового контроля осведомительства под влиянием либеральных идей. Несмотря на очевидную конфронтацию, либеральная правовая мысль оказала определенное влияние на правовое оформление сыска. Это проявилось в следующем:

1) судебная реформа 1864 г. — институциональное ограничение роли тайного доноса в уголовном процессе. Гласность, устность и состязательность судебного разбирательства объективно снижали значение негласных показаний и требовали их проверки в открытом суде;

2) Положение об охранных отделениях 1907 г. — попытка вписать негласный сыск в рамки общих принципов уголовного процесса: в нем подчеркивается, что агентурные сведения не могут заменять собой доказательства, предусмотренные Уставом уголовного судопроизводства (обыски, выемки, допросы) [3, с. 105—107];

3) научная критика провокации и злоупотреблений агентурой в юридической и публицистической литературе конца XIX — начала XX в., на которую обращает внимание О. Ю. Абакумов, — важный фактор, стимулировавший хотя бы частичную «юридизацию» деятельности политической полиции [1, с. 11—17]. Иначе говоря, либеральный дискурс государства заставлял администрацию «прятать» политический сыск в форму правовых актов, ссылаться на судебные уставы, ограничивать (по крайней мере, на бумаге) произвольное использование доносительства.

6.2. Доносительство как инструмент подавления либеральных идей. Вместе с тем фактическая практика шла в противоположном направлении. Так, в позднимперский период охранные отделения систематически внедряли агентов в либеральные партии (кадеты), земские собрания, редакции оппозиционных газет; негласные донесения о содержании публичных лекций, выступле-

ниях в Думе, земских съездах использовались для арестов, высылки, административных взысканий; провокации и разоблачения агентов подрывали доверие внутри оппозиционных кругов, способствуя их дезорганизации.

В молодом советском государстве ст. 58—12 УК РСФСР дополняет идеологическую установку на «революционную бдительность» юридическим обязательством доноса; в результате носители автономных правовых взглядов оказываются особенно уязвимыми к обвинениям, инициируемым через доносы.

Таким образом, на практике доносительство действительно выступает одним из инструментов подавления либеральных идей, хотя и не единственным (наряду с цензурой, политическими процессами, административным давлением).

7. Правовой статус осведомительства и степень его контроля

7.1. Российская империя. В дореволюционный период можно говорить о частичном правовом контроле осведомительства:

— существовали публичные акты, косвенно регулирующие донос (указ Петра I 1702 г., нормы Уложения о наказаниях о ложном доносе, Положение 1881 г. и др.);

— деятельность политической полиции (III Отделение, жандармерия, охранные отделения) регулировалась положениями и инструкциями, часть из которых (например, Положение 1907 г.) имела вид нормативных актов;

— личный статус осведомителей, их права, обязанности и ответственность не становились предметом публичного закона и закреплялись только в секретных ведомственных документах.

Представляется, что либеральная критика также внесла вклад в осознание необходимости хотя бы формального согласования негласного сыска с нормами уголовного процесса, хотя и не привела к реальному подчинению осведомительской практики судебному и общественному контролю.

7.2. Ранний СССР. В советский период ситуация меняется качественно. Публичный закон (ст. 58—12 УК РСФСР) закрепляет обязанность доноса о политических преступлениях, превращая доносительство в элемент общей «нормы лояльности»¹, а формы и методы работы ЧК — ГПУ — ОГПУ — НКВД остаются в сфере секретных ведом-

¹ Уголовный кодекс РСФСР (ред. 1926 г. с изм. 1927 г.). Ст. 58—12. Недонесение о достоверно известном, готовящемся или совершенном контрреволюционном преступлении // СУ РСФСР. 1927. № 49. Ст. 330.

ственных актов, полностью закрытых для общественного контроля. С точки зрения либеральной доктрины правового государства это означает переход от частично юридизированного, но все же ограниченного тайного сыска к нормативно требуемой системе доносительства.

Подводя итог изложенному, отметим:

1. Российская либеральная правовая мысль второй половины XIX — первой половины XX в. сформировала концепцию правового государства, в которой центральное место занимали верховенство закона, гарантии прав личности и подчинение полиции строгим законным процедурам. В рамках этой доктрины тайный сыск и донос могли быть признаны допустимыми лишь при наличии жесткой правовой регламентации и судебного контроля.

2. Историческая практика российского государства развивалась преимущественно в противоположном направлении. Уже в дореформенный период (III Отделение, корпус жандармов) складывается централизованный аппарат политической полиции, опирающийся на агентуру и доносительство, причем ключевые документы, регулирующие эту деятельность, остаются секретными.

3. Либеральные реформы 1860—1870-х гг. (прежде всего судебная реформа 1864 г.) реально ограничили значение тайного доноса в судебном процессе, но параллельно было создано чрезвычайное законодательство (Положение 1881 г., Положения 1906—1907 гг.), формировавшее закрытый правовой режим, где решения о репрессиях могли основываться на негласной информации политической полиции.

4. Либеральная правовая мысль оказала влияние на «юридизацию» осведомительства, вынудив власть оформлять деятельность полиции в виде нормативных актов и декларировать подчинение агентурной работы общим принципам уголовного процесса. Однако это влияние носило преимущественно формальный характер и не привело к реальному установлению эффективного правового контроля над практикой доносительства.

5. Доносительство в России конца XIX — первой половины XX в. использовалось как один из инструментов подавления либеральных идей и движений. В имперский период — через внедрение агентов в либеральные партии, земства, прессу; в советский — через сочетание идеологической кампании «революционной бдительности» с уголовной ответственностью за недонесение.

6. Раннесоветский этап радикализует тенденцию доносительства, превращая его из инструмента полиции в общегражданскую обязанность (ст. 58—12 УК РСФСР) при полном отсутствии прозрачности в отношении статуса и деятельности осведомителей. Это означает окончательный разрыв с либеральной правовой традицией и превращение доносительства в структурный элемент режима.

В этом смысле опыт второй половины XIX — начала XX в. демонстрирует, что без институциональных гарантий независимости суда, публичности права и реального контроля над спецслужбами либеральная идея правового государства остается уязвимой перед практикой негласного сыска и доносительства, которые могут быть использованы для ее систематического подавления.

1. Абакумов О. Ю. Безопасность престола и спокойствие государства. Политическая полиция самодержавной России (1826—1866). Москва: Полит. энцикл., 2019. 559 с.

2. Биюшкина Н. И. Источники Положения «О мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия» от 14 августа 1881 г. // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Право. 2010. № 5. С. 288—293.

3. Феднева Н. Л., Яцкова А. П. История органов внутренних дел России: хрестоматия. Ч. I. Москва: Моск. ун-т МВД России им. В. Я. Кикотя, 2015. 115 с.

4. Багоян Е. Г. Идея правового государства в российской либеральной мысли (конец XIX — начало XX в.): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2005. 26 с.

1. Abakumov O. Yu. Security of the throne and the tranquility of the state. The political police of the autocratic Russia (1826—1866). Moscow: Political encyclopedia; 2019: 559. (In Russ.).

2. Biyushkina N. I. Sources of the Regulation "On measures to secure state order and public peace" of August 14, 1881. Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod. Law, 288—293, 2010. (In Russ.).

3. Fedneva N. L., Yatskova A. P. History of the internal affairs bodies of Russia. Anthology. Part I. Moscow: Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia; 2015: 115. (In Russ.).

4. Bagoyan Ye. G. The idea of the law-governed state in the Russian liberal thought (late 19th century up to early 20th one). Abstract of dissertation of candidate of juridical sciences. Moscow; 2005: 26. (In Russ.).

5. Попова А. В. Теоретико-правовое исследование нелиберальной политико-правовой доктрины в России (конец XIX — начало XX в.): дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2014. 381 с.

6. Корнев А. В. Государство и право в контексте консервативной и либеральной идеологии: опыт ретроспективного анализа: монография. Москва, 2014. 320 с.

7. Чичерин Б. Н. Философия права. Москва: Типо-литография И. Н. Кушнерев и К^о, 1900. 337 с.

8. Новгородцев П. И. Об общественном идеале. Берлин: Слово, 1919. 385 с.

9. Кистяковский Б. А. Социальные науки и право. Москва: М. и С. Сабашниковы, 1916. 704 с.

Луговик Виктор Федорович,

профессор кафедры
оперативно-розыскной деятельности
органов внутренних дел
Омской академии МВД России,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист Российской Федерации;
vlug@yandex.ru

Грязнова Татьяна Евгеньевна,

начальник кафедры теории и истории
права и государства
Омской академии МВД России,
доктор юридических наук, доцент;
griaznova-te@yandex.ru

5. Popova A. V. Theoretical and legal study of the neoliberal political and legal doctrine in Russia (late 19th century up to early 20th one). Abstract of dissertation of doctor of juridical sciences. Moscow; 2014: 381. (In Russ.).

6. Kornev A. V. State and law in the context of conservative and liberal ideology: experience of retrospective analysis. Monograph. Moscow; 2014: 320. (In Russ.).

7. Chicherin B. N. Philosophy of law. Moscow: Typo-lithography of I. N. Kushneryev and Company; 1900: 337. (In Russ.).

8. Novgorodtsev P. I. On the social ideal. Berlin: Slovo; 1919: 385. (In Russ.).

9. Kistyakovsky B. A. Social sciences and law. Moscow: M. and S. Sabashnikovs; 1916: 704. (In Russ.).

Lugovik Victor Fyedorovich,

professor at the department of detective activity
of the internal affairs bodies
of the Omsk Academy
of the Ministry of the Interior of Russia,
doctor of juridical sciences, full professor,
honored lawyer of the Russian Federation;
vlug@yandex.ru;

Gryaznova Tatiyana Yevgeniyevna,

head of the department
of the theory and history of law and state
of the Omsk Academy
of the Ministry of the Interior of Russia,
doctor of juridical sciences, docent;
griaznova-te@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 17.12.2025; одобрена после рецензирования 23.12.2025; принята к публикации 16.02.2026.

The article was submitted 17.12.2025; approved after reviewing 23.12.2025; accepted for publication 16.02.2026.

* * *